

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Анны Игоревны Макеевой

«Данные дерматоглифики к проблеме формирования

татароязычного населения Волго-Уральского региона»

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

по специальности 03.03.02 – антропология

(научный руководитель д.и.н. Г.Л. Хить)

Диссертация А.И. Макеевой посвящена изучению антропологического состава различных этноконфессиональных и субэтнических групп татар Волго-Уралья. Использование термина «татароязычное население» для общего обозначения казанских татар, мишарей, кряшен и нагайбаков представляется если не удачным, то по крайней мере вполне корректным приемом – особенно в исследовании, формулировки задач которого полностью находятся в сфере проблем физической антропологии.

Как по своей структуре, так и приемам анализа, представленная диссертация является исследованием, выполненным в традиционной для отечественной этнической дерматоглифики манере. По этой причине и достоинства, и недостатки работы в некоторой степени могут быть объяснены выбранной для анализа системой признаков и методов их изучения.

До последнего времени отсутствовали или были представлены единичными сериями какие-либо данные по мишарям, кряшенам и нагайбакам, тем более данные, методически сопоставимые в рамках сложившейся программы этнической дерматоглифики. Задача А.И. Макеевой заключалась в первую очередь в заполнении существующих пробелов, и она была выполнена.

Диссертант исследовала большой объем материала, собственноручно определив основные дерматоглифические показатели по отпечаткам около 2200 человек. Отдельно следует отметить, что отпечатки более 1000 человек были получены автором в ходе полевых выездов, что само по себе сопряжено с большими трудностями в наше время. Состав всех полученных серий описан в

специальном разделе. В нем подробно описано происхождение каждой из выборок, а восприятие основной информации значительно упрощается благодаря приведенным таблицам и карте географического расположения групп.

В методическом отношении диссертация А.И. Макеевой базируется на исследованиях Г.Л. Хить, а следовательно, обладает по крайней мере одним неоспоримым достоинством – полной методической сопоставимостью с накопленным к настоящему времени огромным массивом данных по различным группам населения Евразии. Программа исследования, используемая Г.Л. Хить, расширена диссертантом и включает в себя признак, введенный впервые в анализ автором отзыва, - радиальную ориентацию пальцевых узоров. Однако я не разделяю оптимизма диссертанта относительно результативности применения данного признака для дифференциации групп на территориально-этническом уровне (с.95-96). Результаты ее исследования скорее свидетельствуют о том, что признак малоэффективен при анализе антропологического состава татароязычных групп Волго-Уралья. Но в любом случае, изучение на различных таксономических уровнях разграничительной мощи признака, показавшего высокую эффективность при дифференциации больших рас, следовало когда-нибудь провести, а отрицательный результат (пусть игнорируемый самим исследователем) – тоже результат.

Значительную часть работы занимают вводная часть, историографический обзор и описание дерматоглифической характеристики групп (около 40% всего текста). Диссертант проследила основные вехи в изучении антропологического состава татароязычных групп в рамках различных систем признаков (дерматоглифики, краниологии, соматологии, одонтологии). Поскольку аналитическая часть диссертации полностью базируется на дерматоглифических данных, от диссертанта нельзя требовать подробного описания результатов исследования татар, проведенных в рамках других систем. И все же хотелось бы видеть в работе логически более строго выстроенный исторический раздел. Станным, например, выглядит включение в краниологический обзор кратких данных по населению Волго-Камья эпохи раннего железа и средневековья, хотя

при этом в работе не содержится ни слова о результатах исследования краниологической серии собственно казанских татар, проведенного В.П. Алексеевым на близких к современности (а значит, и к материалам диссертанта) данных (1979).

Главы, посвященные анализу выборок, выстроены по сходной схеме. От описания межгрупповой изменчивости признаков и полученных на их основе европеоидно-монголоидного и североевропеоидного комплексов диссертант плавно переходит к описанию результатов дифференциации групп, полученной при помощи ставших традиционными для дерматоглифики методов статистического анализа: вычисления обобщенных дерматоглифических расстояний, проведения анализа главных компонент и кластеризации данных. На аналитическую составляющую работы приходится довольно небольшая часть текста, которая нередко представляет собой небольшие сопроводительные замечания к результатам перечисленных видов статистических анализов. Частично большой разрыв между объемами аналитической и описательных частей в диссертации объясняется особенностями дерматоглифики как научного направления, претендующего на роль исторического источника. В большинстве случаев вклад дерматоглифики в исторические исследования исчерпывается подтверждением тех закономерностей, которые уже были выявлены в рамках других систем антропологических признаков. Отклонения, как правило, случайны и не поддаются надежной интерпретации. К сожалению, число признаков, эффективность которых при дифференциации популяций различного происхождения доказана, крайне невелико. Все они либо носят дискретный характер, либо состоят из групп более простых признаков также дискретного типа. При этом дерматоглифические характеристики популяций прошлого нам неизвестны и не могут быть восстановлены по ископаемым останкам.

Возможно, именно отсутствие возможностей для дерматоглифического сопоставления групп, относящихся к разным историческим периодам, подтолкнуло диссертанта к весьма спорной мысли о том, что «растущий с каждым годом процент межнациональных браков оставляет все меньше

возможностей для этногенетических исследований ...» (С.19). Такой подход был бы несправедлив, даже при заведомо некорректном отношении к этническим группам как к некогда достигнувшему определенного стабильного состояния общностям, по тем или иным причинам подвергающимся смешению или разрушению в нашу историческую эпоху. Однако автор сама пришла к заключению об исторически изменявшемся, сложном по своему составу происхождении изученных ею групп. Следовательно, изучение постепенно смешивающихся и меняющихся по составу групп должно вызывать особый интерес со стороны дерматоглифики, поскольку наблюдение за этими процессами не сокращает, а напротив, увеличивает наши возможности для этногенетических исследований и исторических реконструкций (конечно, при условии привлечения к анализу данных генеалогии).

Кроме того, следует отметить, что работа А.И. Макеевой имеет ряд недостатков, никак не связанных с особенностями современной дерматоглифики как направления этногенетических исследований. К работе может быть предъявлен ряд замечаний, касающихся проведенных статистических расчетов:

- в работе в качестве одного из основных статистических методов используется кластерный анализ, но нигде не указан конкретный метод кластеризации;

- полученные диссертантом величины североевропеоидного комплекса в татароязычных группах не точны и занижены относительно реальных значений на 0.1-4.2 единицы. По крайней мере, к такому заключению можно прийти, опираясь на приведенные в таблицах 1 (с.52) и 5 (с.66-67) значения пяти ключевых признаков;

- диссертант приводит результаты вычисления ранговых коэффициентов корреляции Спирмена (с.89, 92), рассчитанных между признаками и расовыми комплексами, однако результаты проверки расчетов говорят о том, что приведенные значения коэффициентов являются пирсоновскими.

Отметим, впрочем, что приведенные выше замечания относятся к разряду мелких погрешностей и не оказали существенного влияния на результаты

исследования. В других случаях спорной представляется интерпретация результатов статистических анализов.

Например, поясняя результаты анализа, проведенного при помощи метода главных компонент, диссертант пишет: «Обе компоненты как и в случае мужских выборок не образуют ярко выраженных комплексов, очевидно, ввиду сильной неоднородности рассматриваемого массива групп» (с.76). По всей вероятности, к этому заключению автор пришел на том основании, что знаки коэффициентов корреляции между исходными и новыми признаками не полностью соответствуют ожидаемым направлениям изменчивости первых в рамках простых схем дифференциации «европеоиды – монголоиды» или «северные европеоиды – южные европеоиды». Однако отсюда логичнее было бы сделать вывод, что группы весьма сходны между собой, а изменчивость признаков объясняется случайными отклонениями. О неоднородности татар Волго-Уралья свидетельствовала бы обратная ситуация – разделение групп по комплексу признаков, разграничивающих европеоидные и монголоидные популяции. В действительности первый вывод, вероятно, также нельзя считать корректным, поскольку в приведенном варианте анализа отсутствует какой-либо масштаб для сопоставления групп – круг анализируемых выборок ограничивается татароязычными группами Волго-Уралья. Характеристики татароязычных групп не образуют территориально обособленных комплексов – единственное заключение, которое можно вывести из результатов данного анализа. Однако диссертант, имея представления об особенностях формирования антропологического состава татар по данным других систем антропологических признаков, пришла к верному заключению о неоднородности групп, опираясь на неверно интерпретируемые ей результаты.

Другой вывод, опирающийся на некорректную интерпретацию расчетов, - уменьшение монголоидного компонента в мужских группах казанских татар за последние 80 лет (с.64, 117), - провозглашается диссертантом как результат изучения выборок в «диахронном аспекте». Однако в работе не приведены какие-либо статистические расчеты (например, непараметрические критерии),

которые бы показали, что различия между дерматоглифическими признаками в двух хронологически разделенных группах не являются просто случайными отклонениями от значений признаков в генеральной совокупности. Это требование к анализу представляется тем более справедливым, что выборки, полученные А.И. Макеевой в ходе полевых выездов 2012 г., заметно уступают по численности выборкам 1930-х гг. (с.44-46).

Вывод о наибольшем сближении обобщенной татароязычной выборки с волго-камским вариантом, полученный по результатам сравнения величин ОДР между мужскими выборками, возможно, справедлив (с.112). Однако сопоставление выборки с характеристиками локальных расовых вариантов, приведенными в монографии Г.Л. Хить (1983), было осуществлено некорректно. В работе последней четко указано, что значения признаков для волго-камского варианта были рассчитаны невзвешенным среднегрупповым способом с учетом имеющихся в то время данных по казанским татарам (Хить, 1983, с.81). Таким образом, выявленное сближение было предопределено заранее, ведь частично состав сравниваемых выборок включает в себя одни и те же данные. Результаты этого анализа требуют проведения перерасчета.

К сожалению, нужно отметить, что без должного внимания оставлено диссертантом и оформление работы. Отдельные слова в тексте иногда не разделены между собой пробелом, а некоторые строки по каким-то причинам просто выпали из диссертации. Например, на с.49 встречаем такое предложение: «Метод межгрупповой шкалы состоит из трех частей. Первая расстояний или ОДР (средней стандартизованной разницы по пяти основным признакам)...». Конечно, недочеты такого типа не должны влиять на научную оценку работы, и небрежность диссертанта в обращении с текстом не стоило бы особо подчеркивать, если бы она не приводила иногда к досадным недоразумениям, разрешить которые невозможно без пояснений со стороны автора.

Так, например, диссертант утверждает, что «Проведенное автором исследование вносит определенный теоретический вклад в разработку проблем этногенеза народов Волго-Уральского региона в целом и татароязычного

населения, в частности...» (с.21), но в чем конкретно, помимо значимости для туманной «дальнейшей разработки этих проблем» состоит этот определенный вклад, в разделе так и не поясняется.

Другой пример связан с небольшим разделом в главе, посвященной истории изучения татар. Можно говорить о раннебулгарском, дозолотоордынском и золотоордынском периодах в истории волжских булгар, но никак не в истории государства Волжская Булгария, как это следует из текста работы (с.27). Период существования последнего как самостоятельного государственного образования ограничивается большинством историков рамками X-XIII вв. Думаю, что диссертант не станет всерьез ставить знак равенства, например, между историей венгров и историей государства Венгрия. И вполне вероятно, что приведенное в тексте утверждение является случайной оговоркой, но оно привносит совершенно излишние сомнения в тщательности работы над текстом, также как и некоторые формулировки в других разделах.

Так, диссертантом не очень точно сформулированы положения, выносимые на защиту (с.22-25). В список последних по недоразумению в качестве самостоятельных пунктов включены данные о числе изученных индивидов и групп, а также список (при этом неполный) использованных статистических методов.

Содержание другого выносимого на защиту утверждения представляется весьма спорным и требующим пояснений: «У мишарей европеоидный компонент выражен в наибольшей степени, у кряшен и казанских татар преобладает монголоидный компонент...» (с.24). Если диссертант действительно придерживается мысли, что монголоидный компонент преобладает в составе казанских татар, то нельзя считать верным другой ее вывод – о том, что дерматоглифическая дифференциация татароязычных популяций Волго-Уралья согласуется с картиной дифференциации, полученной по другим системам антропологических признаков (с.124). Ни данные соматологии, ни данные генетики не дают оснований сомневаться в преобладании европеоидного (или

«западноевразийского» в терминах современных генетиков) компонента в составе казанских татар.

Возможно, однако, что под утверждением диссертанта скрывается то простое статистическое наблюдение, что европеоидно-монголоидный комплекс у казанских татар превышает 53 единицы, и формально монголоидная доля у них действительно выше, чем европеоидная. Однако прямой перенос результатов довольно простого вычисления условной величины ЕМК на заключение о расовом составе группы не может считаться хорошим приемом исследования. Такая прямолинейная трактовка автоматически заставляет нас, например, считать, что монголоидный компонент преобладает также у русских Смоленской области (ЕМК=51).

Ранее в специальном исследовании было показано, что дерматоглифические признаки систематически смещают характеристику групп относительно данных других систем антропологических признаков в восточном направлении (Моисеев, 2004). Г.Л. Хить полагает, что это свидетельствует о большей чувствительности дерматоглифики к присутствию монголоидной примеси в группе (Хить, Широбоков, Славолубова, 2013, с.315). Так или иначе, но заключение о преобладании монголоидного компонента у казанских татар требует более серьезного обоснования, нежели величина ЕМК. Гораздо логичнее было бы отстаивать в качестве положения, выносимого на защиту, мысль об относительном сдвиге в монголоидном направлении у казанских татар по сравнению с мишарями. Это заключение действительно следует из работы диссертанта и хорошо согласуется с данными других систем.

Иногда небрежность в оформлении текста приводит к курьезам. Так, одна и та же монография *«Дерматоглифика в антропологии»* фигурирует в ссылках с разным составом авторов и годом издания: [Хить, Широбоков, Славолубова, 2013; Хить, Широбоков, 2013; Хить, Широбоков, 2009; Широбоков, 2013] (с.50 и др.). Ссылки на пять из шести томов «Татарской энциклопедии», включенных в список библиографии, в тексте отсутствуют. Наоборот, присутствующие в

работе ссылки [Акимова, 1969] (с.26), [Аксянова, Абраменкова, 2009] (с.32) не раскрыты в библиографии.

Ссылке, оформленной как [Alexeev, Gohman, 1973] (с.111), в списке библиографии соответствует публикация *Alexeev V.P., Gohman I.I. Anthropology of the Soviet Asia. 1983. Munchen – Vien.* Антропологам хорошо известна книга В.П. Алексеева и И.И. Гохмана «Антропология азиатской части СССР» (М., 1984). Если учесть, что в тексте диссертации ссылка на публикацию приводится в целом ряду прочих ссылок, то не было никакой необходимости указывать англоязычный вариант публикации, тем более вариант, не существующий в реальности. В действительности работа называется *Alekseev V P., Gochman I.I. Physical anthropology of Soviet Asia. (Rassengeschichte der Menschheit. lieferung Asien II: Sowiet-Asien)*, в чем можно убедиться, сверившись с хронологическим указателем публикаций В.П. Алексеева в первом томе его переизданных работ (Алексеев, 2007, с.672-703). В приведенном же у диссертанта виде ссылка встречается только раз – в списке литературы к англоязычной статье Г.Л. Хить, посвященной дерматоглифике тюркских народов (Heet, 1990), видимо, частично оформленном по памяти.

Несмотря на изложенные выше замечания, по своей научной ценности представленное исследование не уступает большинству диссертационных работ этногенетической направленности, подготовленных в течение последних нескольких лет аспирантами-антропологами в стенах ИЭА РАН. Безусловно, диссертация А.И. Макеевой является полностью завершенной работой. На все поставленные в рамках исследования задачи были предложены варианты решений, сопровождающиеся статистическими расчетами. Введенные диссертантом в научный оборот дерматоглифические данные могут быть с уверенностью использованы специалистами в собственных исследованиях. Одним из положительных качеств аналитической части работы является то, что последняя всерьез заставляет задуматься над перспективами дальнейшего развития дерматоглифики как направления этнической антропологии.

Автореферат диссертации соответствует ее содержанию.

У диссертанта есть необходимое для защиты число публикаций в списках изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Диссертация А.И. Макеевой «Данные дерматоглифики к проблеме формирования татароязычного населения Волго-Уральского региона» соответствует требованиям пункта 9 «Положения о порядке присуждения учёных степеней ВАК Минобрнауки РФ» (от 24 сентября 2013 г. № 842). Анна Игоревна Макеева заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук по специальности 03.03.02 – антропология.

Научный сотрудник

Федерального государственного бюджетного учреждения науки

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

Российской академии наук

кандидат исторических наук

Иван Григорьевич Широбоков

